

Виталий ЩИГЕЛЬСКИЙ

Виталий Щигельский родился в 1967 году в Ленинграде. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Нева», «Новый мир», «Зинзивер». В «Волге» печатались рассказы (2013, 2014). Автор нескольких книг прозы. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

РАССКАЗЫ

Сквозь Землю

Дорогу не ремонтировали из соображений секретности. И все остальное – машину, одежду, сухой и мокрый пайки – мне тоже подобрали из соображений секретности. А непосредственно перед погрузкой на борт генерал Каплунов (он отвечал за доставку меня до пускового объекта) приказал выпить водки, что я и сделал.

– Паленая! – сказал я, кашлянув.

– А ты думал? – усмехнулся генерал. – В нашем деле главное – достоверность.

И налил мне еще. Я опять выпил и занюхал овчинным треухом. Мы оба знали, что мне предстоит полет. А полет всегда риск. С вероятностью пятьдесят на пятьдесят. Или больше. С генералом мы не попрощались. Мы никогда не прощаемся. И не здороваемся. Такая у нас примета.

Не то чтобы я после водки стал пьяный, но тошнота, да, подкатила практически сразу, как тронулся ЗИЛок. Грузовик, а вместе с ним и меня то водило из стороны в сторону, то подбрасывало на ухабах. Чтобы хоть как-то стабилизироваться, я даже пересел с лавки на пол. Руки мои были заняты: правой я ухватился за борт, левой держал топор. На этом участке задания я играл роль крестьянина, который выехал в лес нарубить дров.

«Что за жизнь у меня? – думал я про него. – Утром просыпаешься от холода и бодуна, едешь в лес, чтобы заготовить дров, вечером топишь печь, чтобы было тепло, и пьешь водку, чтобы заснуть. Надо что-то менять. Я изменю. Может быть, даже сегодня все изменю».

После этой идеи тошнота стала невыносимой, и мне пришлось нарушить пункт четыре статьи семьдесят пять уставного положения «О ночных перемещениях в зимнее время суток», а именно: выдернуть трос из люверсов, просунуть голову в образовавшееся окно и освободить пищеварительный тракт от алкогольсодержащих продуктов.

С внешней стороны тента густо клубилась вьюга. Видимость была нулевой, но я хорошо представлял себе окружающее пространство: извивающуюся ленту дороги, башни высоковольтки с лохмотьями проводов, затаившегося в ельнике филина, седого и грузного, как генерал Каплунов. Одним словом – дичь. Дичь, дичь, конечно, но что, кроме этого, может повстречаться человеку в лесу?

Насмотревшись и отдышавшись, я затащил тент, лег на пол и заснул. Я всегда засыпаю сразу. Просто закрываю глаза – и сплю. И просыпаюсь сразу. Открываю глаза – и больше не сплю. Как оно происходит? Не знаю. Как-то так происходит. Внутренний распорядок такой.

Проснулся я от того, что ЗИЛ остановился. Хлопнула дверь водителя. Заскрипел под калошами снег. И раздался звук падающей воды. Звук был сигналом, приказывающим катапультироваться, что я и сделал: выпрыгнул из кузова и покатился в кювет. Краем глаза я увидел водителя. Он стоял у кабины и, задрав голову, справлял малую нужду под колесо.

Он все делал правильно, в точности как предписывала инструкция: он не должен был видеть в лицо меня, я не должен был видеть его лица на тот случай, если нас поймают

и станут пытаться. Кстати, если меня станут пытаться, где-нибудь на третьи-четвертые сутки допроса я должен буду сознаться, что в 1989 году в Будапеште меня завербовали америкосы. Никто меня, конечно, не вербовал, и никуда я не ездил. Мне вообще было десять лет в восемьдесят девятом. Просто такая легенда. В нашем деле у каждого должна быть легенда.

Грузовик уехал. Я лежал на спине и глядел вверх. Вьюга стихла, и за снежными вершушками елей проступила сковорода неба. По ее черной, как сажа, поверхности медленно сползала луна. Справа от нее дислоцировался большой ковш, слева – малый (будучи более технократом, нежели гуманитарием, я предпочитал называть медведиц ковшами), а также другие созвездия и звезды, никуда не входящие и раздислоцированные как попало.

Звезд, вообще, было много. В принципе, любая звезда больше Луны, но кажется меньше, потому что находится дальше. Почему я так много знаю о звездах? Потому что я учился астрономии в школе, потом в лётном училище, потом в лётном городке, где довольно много узнал о войдах, джетах, галактиках, суперсимметриях и сингулярностях. Но, по правде сказать, я не верил в тот космос, которому учили меня щуплые, субтильные профессора, теоретики с козлиными бородами.

Некая секретная часть меня всегда знала, что в реальности существует только Луна, остальные звезды являются нарисованными на гигантском полотне типа брезента и этот брезент натянут вокруг Земли, как тот тент, внутри которого я ехал сюда. Сколько себя помню, я мечтал стать космонавтом и прилететь на Луну. И уже оттуда – с Луны – попытаться сорвать этот брезент к чертовой матери, чтобы узнать всю правду. Так я думал, пока пробирался сквозь сухой валежник к месту старта.

Лес внезапно закончился идеально круглой и лысой поляной, посреди которой фурункулом вздулся гигантский ржавый ангар. Проваливаясь в снег по колено, я заспешил навстречу мечте. Спустя двадцать минут неспортивного бега с препятствиями я постучал в дверь ангара, как было условлено: два раза по два и три раза по пять. В ответ раздался лязг засова, дверь открылась. На пороге стоял хорошо знакомый мне человек.

– Заходи, – сказал он и добавил: – Сережа.

Я остался стоять. Я пытался думать – и думать быстро. Я не имел права сделать ошибку. Да, меня звали Сережа. И условленным паролем тоже было слово «Сережа». Но человек, который меня сейчас встречал, и человек, который меня провожал, был одним и тем же человеком. На нем, как и на мне, был надет тулуп и треух.

– Генерал, – пробормотал я, – это вы?

Задавать вопросы у нас тоже не принято, но как-то вырвалось...

– Брат-близнец, – пошутил он. – Заходи внутрь, ангар застудишь.

Я послушался. Внутри было полутемно. Свет шел от нескольких бочек, в которых сгорали облитые соляркой тарные доски. Кроме нас с Каплуновым и этих бочек, в ангаре находился только один предмет, усидчиво задрапированный маскировочной сеткой и меньше всего напоминавший своими контурами ракету.

– Это что? – опять не сдержался я, но сразу поправился: – Товарищ генерал, виноват.

– Да ты не извиняйся, Сережа. У тебя сегодня полет. Тебе сегодня все можно. В том числе и вопросы. Или ты, может, того?

Генерал замолчал и всмотрелся в мое лицо так пристально, словно до этой минуты ни разу меня не видел.

Ну а я продолжал смотреть на него. Так мы и молчали. Я не выдержал первым, все-таки он генерал, а я – подполковник.

– Что «того»? – спросил я.

В качестве объяснения Каплунов сделал несколько коротких ритмичных движений, изобразив то ли лыжника на крутом спуске, то ли жокея на ипподроме.

– Лыжник? – предположил я. – Лошадь?

– Ну какая ты лошадь, Сережа? – Генерал как будто обиделся. – Я о другом. Может, ты хочешь раскрыть свою гомосексуальность перед решающим исполнением долга?

Бывалые космонавты вам скажут, что самым сложным в нашей профессии считается время перед полетом. Тебе кажется, что ты готов ко всему, и вдруг появляется нечто или же некто... Я сам не заметил, как встал в боевую стойку и поднял топор.

– Сережа, – отступил на два шага Каплунов, – не надо, Сережа. Это была проверка. Теперь так положено. Знаешь, какие люди сейчас в эту тему уходят? Страшно подумать.

– Ну а если я не смогу? – вдруг ни с того ни с сего спросил я.

– Расчехлиться? – выдохнул он.

– Нет, задание не выполняю!

– Выполнишь, Сережа, не имеешь права не выполнить. Знаешь, сколько в этот проект денег вбухано? Знаешь, сколько серьезных людей получили звезды и премии за всю эту конструкцию?

Я замотал головой.

– Лучше тебе не знать. А топор опусти.

Я опустил.

– Молодец. Положи его на землю и толкни ногой в сторону. Вот так, хорошо. Теперь задавай вопросы. Времени у нас не так много. У тебя три вопроса. Поехали.

– Это что, пусковая площадка? – задал я первый вопрос.

– Да, пусковая. Бюджетная только. А ты что же, Сережа, думал, мы Байконур тебе соорудим? Ты забыл, что мы под санкциями, Сережа? Это раньше технологии можно было купить, можно было украсть, в крайнем случае – изобрести, а теперь все приходится делать вот этими вот руками... – Генерал снял перчатки и показал мне короткие волосатые пальцы, украшенные платиновыми печатками.

– Где ракета? – задал я вопрос номер два.

Вместо ответа генерал развернулся и пошел прочь твердой суровой походкой человека, привыкшего как к земным, так и к внеземным колебаниям. Поравнявшись с неопознанным мною закамуфлированным объектом, он эффектным жестом фокусника стащил с него драпировку.

Камуфляжная сетка скрывала пушку. Копию той самой Царь-пушки, может быть, даже оригинал. Ее ствол был развернут к земле.

– Ты чего там притих? – усмехнулся Каплунов. – Впечатлен?

– Товарищ генерал! – отрапортовал я. – Но это же не ракета. Это какая-то бутафория. Муляж для отвода глаз.

– Это, Сережа, не бутафория. Это настоящая пушка. Девяносто один процент меди, шесть – олова, до одного процента цинка, кобальта, железа, никеля и серебра. – Каплунов сделал паузу, зацокал языком и закатил глаза. – Отлита по чертежам одна тысяча пятьсот восемьдесят шестого года. Это, Сережа, больше, чем пушка. Это наша история. Наши корни, наши истоки. А потеряешь корни – потеряешь все остальное. Ты, наверное, сейчас думаешь, что это самоубийство. Это, Сережа, не так. Это большая ответственность. Не всем выпадает возможность совершить подвиг. В мирное время. Я, между прочим, тоже мечтал о полетах на Марс и Венеру, а был вынужден двадцать лет копать в этой снежной грязи и разбавлять мочой ГСМ, чтобы на закуску хватило, как какой-нибудь Витус Беринг.

– Но, товарищ генерал, как можно на этом взлететь? – спросил я.

– Нам, Сережа, не надо взлетать. Мы, то есть ты, Сережа, полетишь вниз... Стоп, отставить, полковник! – Каплунов угадал мою реплику. – Есть такие вещи, которые объяснить невозможно. Ими нужно просто гордиться. Так что гордись и не задавай лишних вопросов, тем более что твои вопросы закончились. Теперь говорить буду я. А ты будешь моргать. Один раз, если понял, два раза, если нет. Ты понял?

Я моргнул.

– Мы, между прочим, хотели Чубайса туда отрядить. Он бы им показал, что такое «Роснано». Щас бы рубль наш, Сережа, стоил у них восемьдесят бачей. Мы даже засаду устроили на него, но в последний момент оттуда, – генерал указал пальцем на крышу ангара, – дали отбой. Понимаешь, о чем я?

Я моргнул дважды.

– Молодец. Я тоже не понимаю, зачем им Чубайс. А сейчас иди ближе. Ко мне сюда и смотри.

Каплунов схватился за ближайшую бочку, перевернул ее днищем вверх и раскрутил на нем желтый пергаментный свиток.

– Этот манускрипт, – объяснил он, – был найден в месте падения Тунгусского метеорита. Это карта Земли. Видишь, здесь север, здесь юг.

Я снова моргнул, на этот раз без причины. Все моргают без причины время от времени.

– Вот где-то здесь, – Каплунов ткнул в верхнюю, девственно чистую область рисунка, – находимся мы. А тут, – его палец ударил в заштрихованный черным карандашом низ, – Овальный кабинет.

Я хотел моргнуть, но не смог, потому что глаза мои пучились от удивления.

– Да, Сережа, тот самый. Тот самый. Задание твое заключается в следующем: пролететь через центр Земли и высадиться на поверхность Овального кабинета ровно в три сорок пять по американскому времени. В это время их президент, как у них говорят, имеет свой ланч и смотрит тиви... Я, Сережа, вижу, что ты не можешь моргать, поэтому, так уж и быть, говори...

– А что он обычно смотрит? – выдохнул я.

– Думаю, порно. Что-нибудь из блэк-матер. Или даже из блэк-гей-матер...

– И я должен буду его оприходовать?

– Ни в коем случае. Там, – генерал снова указал пальцем на крышу, – сказали, пока никого не приходовать, хотя, конечно же, стоило бы. Они нас уже тридцать лет приходяют, а мы...

– Так, может?..

– Не может, – отрезал генерал. – Припугни просто. Скажи что-нибудь. – Генерал задумался. – Чисто по-русски. Какое-нибудь одно наше слово.

– «Рособрнадзор»? – предложил я.

– Подойдет, – сухо кивнул Каплунов. – Только надо напугать хорошенько. До дрожи. А то они над нами смеются. Ты понимаешь, Сережа, что они считают нас идиотами?

Я моргнул.

– А мы им покажем на деле, кто из нас кто. Короче говоря, когда их президент от твоих слов упадет в обморок, ты снимешь с его стола ихний флаг. И водрузишь наш.

– И все?

– И все. – Генерал вдруг улыбнулся какой-то детской, совсем беззащитной улыбкой. – Трендец Америке. Вашингтон наш. Ну что, к полету готов, товарищ полковник?

Я закусил губу и ударил мерзлую почву носком сапога, чтобы отогнать от себя предательский страх.

– А если не пролечу?

– У нас, Сережа, потому и не получается ничего. – В голосе Каплунова прозвучала такая решимость, с которой люди бросаются на амбразуры. – Мы разучились верить в себя. Ты свой детский садик помнишь? Пионерлагерь помнишь? Кисель, манную кашу помнишь? Пиво по восемнадцать копеек? Сушеных подлещиков? А ацидофилин и эскимо на палочке? А заводы и фабрики? Где оно все сейчас?..

Я заморгал часто-часто и, словно ведомый каким-то невидимым ЦУПом, полез на лафет.

– Нету! – гудел генерал. – Теперь ничего у нас нету, ничего! Отняли, Сережа, они у нас родину!

Внутри меня закипал холодный огонь! Не знаю, имеется ли в природе такое, но сейчас оно во мне было точно. И, кстати говоря, ствол пушки тоже был довольно холодным.

– Космос, Сережа, это не туристический рай, как рекламирует этот их Илон Маск. Космос – это пространство войны. А наша с тобой, Сережа, земля – часть этого самого космоса. Так что прорвешься, Сережа, зубами будешь грызть землю, если понадобится, но проберешься. Вот так, Сережа, вот так, только так!

В стволе пушки, куда я успел забраться, голос генерала приобрел интонации грома.

Страх прошел окончательно. Я был готов к полету физически и морально. Обхватив руками голову и зажмурив глаза, я просто ждал, когда Каплунов подпалит порох.

В пушке было довольно тепло. И места оказалось не меньше, чем в моей ипотечной квартире-студии. Так что я задремал.

Разбудил меня генерал, повозив по макушке шомполом. Это было неприятно. Мне даже захотелось заехать Каплунову в пятак, но когда я вылез из пушки наружу, то увидел в глазах Каплунова слезы.

– Все пропало, Сережа, отбой! – всхлипнул он. – Интенданты стырили порох...

Возвращение

Все путешествия, малые и великие, досужие и научные, торговые и военные, осуществляются лишь с одной целью – с целью вернуться.

Толик тоже уезжал, чтобы вернуться. Вернуться другим человеком. Спокойным, невозмутимым, немного разочарованным знанием того, что было, что есть и что еще будет. Не старым, а выдержанным, высушенным до той благородной стадии, в которой акация превращается в форштевень фрегата. Загадочным и одновременно предельно понятным, когда каждый, кто тебя встретит, поймет без объяснений – ты тот человек, который может купить себе все: этот дом, эту улицу, этот город.

Если бы кто-то, неважно кто, спросил, чем он занимался все это время, он бы ответил фразой из гангстерской саги «Однажды в Америке»:

– Я рано ложился спать...

Толику не хотелось быть узнанным сразу. Он должен был оставаться загадочным до тех пор, пока сам не решит открыться. По этой причине он оставил охрану и челядь: стилиста, повара, клоуна-мастера разговорного жанра (вы видели его в телевизоре), астролога, инструктора по фитнесу – на железнодорожной станции и сел в рейсовый автобус. Стучащий дверьми и шарнирами пазик, возможно тот самый, который когда-то возил его в областной центр на пионерские слеты, катил домой – к автобусной остановке на площади Ленина, главной и единственной площади города Ильичевска...

Тридцать долгих минут ПАЗ тяжело переваливался по ухабам сельской дороги и, наконец, выполз в город. Толик отпустил водителя взмахом папки из крокодиловой кожи и победно зашагал к центру площади, где когда-то стоял памятник Дзержинскому, затем Бенкендорфу, а теперь не было ничего. Черный глянец его Rudolf & Söhne хищно блеснул на солнце.

Он взобрался на пустующий постамент и осмотрелся. Потемневшие блочные пятиэтажки перемежались с двухэтажными бревенчатыми бараками и сараями, сколоченными из материалов, не поименованных в строительной номенклатуре. Случайные и намеренные промежутки заполнял дикий чубушник.

Раньше город казался больше и выше. Теперь, когда Толик вырос сам – поднялся до невообразимых высот и расширился до непредставимых размеров, когда повидал

всяких видов с разных углов, – одного взгляда хватило, чтобы понять, что Ильичевск даже не городской поселок, а выселки...

«А не переплатил ли я?» – подумал Толик с легким разочарованием.

Переплата среди деловых людей считалась большим грехом, большим даже, чем сострадание. Хотя лично он имел оправдательный аргумент: для него город был не целью, а средством ее достижения.

С этой мыслью он оставил площадь Ленина позади. Острые, смотрящие в небо носы «рудольфов» понесли его по дегтярному асфальту шлакоблочного проспекта Урицкого мимо клуба, библиотеки, музея, сберкассы, комиссионного магазина и дирекции ЖБИ. Сам ЖБИ тихо гнил на окраине, зажатый между красным от ржавчины железнодорожным аппендиксом и сонной рекой, зеленой от зелени.

За школой (теперь она называлась колледж) он повернул на север, на Социалистическую. Здесь высота сооружений понизились в среднем на два этажа, а под подошвами закрипел щебень. На Социалистической располагались социально значимые объекты: почта, телефон, телеграф, навесной мост через Безымянный ручей. Сто лет назад власть над городом достигалась путем грубого физического захвата перечисленных учреждений. Теперь битвы за города выигрывались на электронных торгах.

«Дайте мне мешок денег и человечка в правительстве, и я переверну эту землю», – перевел Толик крылатое высказывание Архимеда на язык современности. Он и в самом деле перевернул немало, и это был не первый объект, который он выкупил. Правда, раньше он покупал не для себя, не на свои и не с целью развить, а наоборот – разобрать. Говорили еще – распилить, но это слово в отношении себя он употреблять не любил.

– Токио из этого, пожалуй, не выйдет, – подумал он вслух, – но какая-нибудь Савонлинна может себе получиться...

«Для начала сделать – прибить новые вывески к старым домам. На управу повесить табличку “коворкинг”, на сберкасу – “краудфандинг”, клуб обозначить “антикафе”, а шалман определить как “смузибар”. И, конечно же, переименовать колледж в “толедж”, по имени мецената, – подумал он. – Толик – так меня всегда звали... Потом купим клумбы, в клумбы посадим японские сакуры из ударопрочного китайского пластика, обозначим пешеходную зону, нарисуем велосодорожку, привезем из Москвы биотуалет и видеокамеры. Будет им город будущего. Комфортная городская среда...»

Социалистическая закончилась неожиданно, но предсказуемо – дренажной канавой. «Рудольфы» заскользили по глине, и Толик едва не упал в широкую желтую лужу, утвердившуюся поперек дороги. За ней начинался Пионерский тупик: кочки, ямы, крапива, заборы и избы.

«Как все запущено, – подумал он, с раздражением оттирая глину с ботинка и понимая, что зеленая грязь впилалась в лак навсегда. – Я все-таки поторопился тогда на торгах, можно было вдвое сбить цену. Стоит ли вообще спасать этот город? Может быть, он хочет забыться совсем, вернуться к истокам: ветрякам и землянкам, оглоблям и пугалам. Я могу и такое устроить, ведь предпринимателям без разницы, что именно предпринимать. В самом деле! Сколотить ткацкий барак, вылепить гончарную келью, поставить кузню. Запустить на улицы коробейников с калачами и сбитнем. Легализовать исконные народные радости: кулачный бой, бег в мешках, состязания по питию. Декриминализировать публичную порку. А на день города сажать на кол кого-нибудь из обслуги. Варварские забавы привлекут китайские инвестиции».

Остальной участок пути Толя преодолел босиком, зафиксировав Rudolf & Söhne под мышками.

«Если возвращаться к истокам, ПТУ, музей, библиотеку и прочие неликвиды, – решил он, – придется закрыть. Не идти же против традиции».

Пионерский тупик, попетляв, вывел Толю к реке.

У входа на пристань, мокрую и обросшую илом, Толик увидел сидящего на топляке человека. Бесформенный дождевик делал его похожим на скомканную газету. У ног человека валялся садок, из садка высывалась рыба башка.

Толя подошел к рыбаку, осторожно ступая по опасно гнущимся доскам, и спросил наугад:

– Дядя Саша Кругляков?

– Кто ж еще? – Дед встряхнул садок, и подлещик подтвердил слова деда бодрым кивком. – А ты кто?

– Толик! – сказал Толик твердо.

– Тихашков?

– Ну, нет уж.

– Степашкин?

– Ты шутишь!

– Криворуков?

– Он самый будет.

– А что это на тебе?

– Костюм. – Толик приблизил к лицу старика локоть, обтянутый красным плюшем.

– Вижу, что не спецовка. Почему такой красный? Почему меховой?

– Это, дядя Саша, у тебя мех в носу, а у меня «Адидас», лимитед эдишн, «Роял ред плюш», все дела. В «раше» таких только три – у меня, у Тимати и у Бузовой...

– Больше никто не купил? – уточнил дед.

– Не могут себе позволить. А рыбу покупают твою?

– Кому покупать? Нет никого.

– Ну и где все? – Только сейчас Толя сообразил, что дядя Саша – первый человек, которого он встретил в городе.

– Известно где, – дед указал рукой на застрявшую посреди неба тучу, – умерли.

– Случилось что-то особенное? Пожар был? Война?

– Ничего не случилось. Просто жили и умерли.

– Все сразу?

– Почему сразу, по очереди. Сначала высокие – высоким себя выносить тяжело.

Потом – средние. За ними – такие, как ты, потянулись.

– Но-но, дядя Саша, ты, верно, не знаешь, кто я? В этой папке...

Дядя Саша не слушал.

– Петька на мотоцикле перевернулся, Антон утонул, выпал с лодки, Серега забил оглоблей Михрютку, а потом и сам сгинул в тюрьме. И все были пьяные.

– А Вика как умерла? – Вопрос дался Толику тяжело, помешал выросший в горле ком.

– Жива твоя Вика. С бабами что случится?

– Так она что, там у себя и живет?

– Живет.

– Одна?

– Был у нее один. В Новый год запускал фейерверк и улетел на картонной ракете.

– На Луну?

– В сугроб. А там летом вилы забыли. Обычная история. Ты что, смеешься?

– Я вообще никогда не смеюсь, просто на душе хорошо стало...

– Раз хорошо, так давай иди куда шел, – обиделся дед.

Толя не расслышал последних слов деда: скользкая и кривая, заросшая чертополохом тропа ожившего чувства вела его вверх по склону холма, на котором стоял синий домик с резными наличниками, – к цели путешествия...

Перед тем как постучать, он раскатал штаны, обулся и взбодрил ежик на голове.

– Входите, открыто...

Толик шагнул, нагнувшись под притолокой, а когда разогнулся, увидел женщину в мешковатой юбке и кацавейке. Женщина гоняла веником по половику незримую пыль. Женщины всегда метут, если не знают, что делать...

– Здравствуйте, Валентина Степановна, – поздоровался он, оценив габариты. – Вика дома?

– Дома.

Женщина отставила в сторону веник и повернулась к нему. Сороковатка над ее головой нервно качнулась и осветила лицо. Это была не Викина мама...

Толик попятился к двери и ударился затылком о липень. Это лицо, румяное и гладкое прежде, теперь выглядело как поле, вспаханное сильно выпившим трактористом. Это лицо, то есть его выражение, его состояние ставило под сомнение все предыдущие достижения Толика, равно как и все, что он запланировал.

«Бежать! – подумал он. – Срочно найти интернет и к чертовой матери в один клик продать это место, одним пулом, с немыслимой скидкой».

– Уходите уже? – спросила она, глядя на него не мигая, как подлещик из дяди Сашиного садка.

– Не ухожу, – пробормотал он.

«Без регистрации не получится. Время понадобится. Связи понадобятся. Деньги понадобятся. Расходы. Затраты. А потом, что парни скажут? Типа, что лох, вернулся без ничего. И ведь парни не просто скажут, парни понизят в ранге».

– Тогда проходите дальше, – отступила она в комнату.

Он последовал за ней, сел за стол, положив перед собой папку, и огляделся. Стол и шкаф, металлическая кровать с пирамидой подушек, телевизор «Рекорд», икона, вырезанная из журнала «Наука и жизнь», – все деликатно, но твердо просилось на свалку истории. Женских вещей было мало, мужских – не было вовсе. Единственным ценным предметов в доме была кожаная папка Толика.

«Что же я тушуюсь? – сообразил он. – Я хозяин и здесь, раз весь город мой».

Эта мысль его успокоила, в голове прояснилось, и сразу же пошли варианты.

«Во-первых, можно было уехать, а ребятам историю красивую сочинить. Мол, пока она по мне сохла, кукухой поехала, пол изменила. И теперь ее зовут Виктор. И работает она дровосеком. Нет, фигня. Для меня такой расклад тоже зашквар. Получается, что влюбился в латентного гея. И к тому же в Ильичевске таких операций не делают».

Хорошо, есть план номер два: найти похожую молодую. Объявлю закрытый конкурс моделей. Заявлю рост, вес, цвет глаз, волос, все дела. Пацаны даже не врубятся. Но с другой, блин, стороны, сам-то я буду знать.

Вот еще вариант: технологии развиваются быстро, и лет через десять можно будет заказать в Японии говорящего робота – точную копию Вики. Искусственный интеллект, три-дэ-дизайн, возможность дистанционного отключения... Только я не хочу ждать еще десять лет. И пацаны не будут...

Впрочем, есть еще и четвертый план...

– Чаю?

Пока Толик думал, Вика успела переодеться в платье. Как и юбка, длинное и бесформенное.

– Пожалуй. – Толик по привычке щелкнул пальцами. – Чайник королевского пуэра без сахара, с долькой лайма и соевым молоком.

– Не поняла...

– Можно просто воды. – Он привстал и подтянул треники. – Охлажденную «Сан Пеллегрино» без газов.

К Толику вернулся его обычный лениво-развязный тон, потому что четвертый план был безупречным. С помощью науки он позволял сделать то, чего не предусмотрела природа...

Вика кашлянула и поставила перед ним эмалированную желтую кружку с надписью «50 лет Октября».

Толик отпил чуть-чуть, покатал жидкость на языке, проглотил и причмокнул.

– Ничё так. Запустим совместную линию розлива? Как тебе такое название: «Живая вода четы Криворуковых»?

– Спустя тридцать лет не очень. Зачем ты приехал? Где ты был? Что делал?

Наконец-то прозвучал нужный вопрос.

Подперев кулаком подбородок, Толик торжественно произнес:

– Я рано ложился спать...

– Это какой-то пароль?

Краешек ее губ едва дрогнул, и Толик догадался, что она шутит.

– Я хотел сказать, что много работал, – поправился он.

– Зачем?

– Чтобы доказать всем, что я могу купить этот город.

– И что, доказал?

– Купил. – Толя положил на папку ладони. – Все бумаги оформлены.

– Теперь сдашь в металлолом?

– Деньги больше меня не интересуют. У меня все есть: машины, дома, виноградники, яхта...

– И где же она? – перебила Вика. – На пристани?

– Она слишком большая для этой реки. Есть речные суда, а есть океанские. У меня – океанское судно... – Он замолчал, наблюдая за эффектом только что сказанных слов.

– У тебя голодный взгляд, – подумав, сказала она. – Хочешь поесть? Я сварила борщ. Летний борщ.

– Нет, борща не хочу. Я хочу начать все сначала.

– Я все-таки принесу. – Она поднялась со стула и вышла из комнаты.

«Нажимай, – подбадривал он себя, – озвучь ей четвертый план, и она сдаст позиции. Не сможет не сдать. Все рано или поздно сдаются».

Вика вернулась с кухни с огромной кастрюлей.

– Начать сначала, – продолжил Толик. – С нашего выпускного. Ты помнишь, какое у тебя было платье в тот вечер?

– Не помню.

– Зато я помню все. Мы восстановим тот день до мельчайших деталей. Прически, одежду, еду, окружающую температуру, давление атмосферы...

Увидев, что поварёшка в ее руке затряслась, он понял, что время для решающего удара пришло, и начал озвучивать план номер четыре:

– Мы и фигуру вернем тебе прежнюю. И даже лицо.

– Лицо?

– То старое твое – молодое лицо. Оно будет не такое, как сейчас, а как раньше, нормальное. Даже лучше, чем прежде.

– Чего?

– Нет, ну, не я, врачи. Вика, если бы ты знала, сейчас такая хирургия, сейчас все части тела можно сделать любыми, если есть деньги.

– А ты не изменился!

Он развалился на стуле и облегченно выдохнул:

– Вика, дорогая, это все фитнес. Я правильно кушаю, медитирую, два раза в день хожу в «жим» и бассейн...

Он был так увлечен монологом, что не заметил, как Вика положила половник на скатерть, взялась за кастрюлю и подняла ее над головой.

– Я рано ложился спать, – торжественно повторил он.

В этот момент кастрюля перевернулась. Цунами свекольной крови обрушилось на короткостриженный берег, затем раздался глухой металлический звон...

– Что это значит?! – закричал Толик, выплюнув заплывшую в рот отварную морковь. – У меня в самом деле есть дом, есть яхта! У меня есть охрана. У меня есть все, у тебя – ничего. В отношении тебя я могу все, в отношении меня ты не можешь ничего. Я еще раз спрашиваю: ты понимаешь, что это значит?

– Это значит, – голос Вики звучал мягко и тихо, как тогда, на выпускном, – что я тебя не люблю...